

У вдовы Ф.М.Достоевского ¹

Вчера мне довелось пробыть несколько часов в обстановке, где все, начиная с хозяйки дома и кончая портретами и гравюрами, развешанными по стенам, посвящено одному культу – памяти творца «Преступления и наказания».

Милая, приветливая хозяйка дома, Анна Григорьевна Достоевская, сохранившая, несмотря на свои 60 лет, почти юношескую подвижность и бодрость, принадлежит к тому типу хороших, славных людей, которые обладают особым секретом сразу располагать вас в свою пользу. После пяти минут разговора мне казалось, что я уже давно знаю и это симпатичное хорошее лицо с гладко, по-старинному причесанными седыми волосами, и эту комнату, где все до мелочей напоминает вам о любимом писателе.

Мы разговорились.

- Для меня, в сущности, Федор Михайлович Достоевский не умирал, - сказала мне Анна Григорьевна. Вся моя жизнь, как прежде, так и теперь посвящена ему и его произведениям. Вчера, например, в печальный день 25-летия его смерти, передо мной так живо встали картины далекого прошлого, что мне казалось будто Федор Михайлович скончался не 25 лет назад, а недели две, три... Ведь я была не только свидетельницей работ моего покойного мужа, но и в некотором роде его помощницей. Мне он диктовал свои сочинения, я их записывала стенографически и после читала ему.

- У вас, вероятно, сохранилось много реликвий?

- О, да. Еще при жизни покойного мужа я начала собирать все его рукописи, все газеты, где помещались его статьи, или статьи о нем. Вначале я собирала это исключительно для моих детей; мне хотелось, чтобы они имели все то, что связано с памятью об их отце. Затем, когда мое собрание разрослось и содержало уже свыше 1000 различных предметов, мне пришлось встретиться однажды с секретарем московского Исторического музея Сизовым; он просил меня дать портрет Федора Михайловича для галереи Исторического Музея. Тогда мне пришла мысль передать свои коллекции музею с тем, чтобы он предоставил для них отдельное помещение. Таким образом, было положено основание «Музею памяти Федора Михайловича Достоевского» при Историческом музее в Москве.

С тех пор я начала относиться к своей задаче более серьезно. Мне хотелось, чтобы этот музей являлся не только собранием реликвий, но и пособием для всех, кто желал получить то или

¹ Биржевые ведомости. 1906. 30 января. № 9178. С.

иное сведение о Достоевском. Для этого нужно было составить каталог. Это явилось для меня весьма трудной задачей, так как мой каталог должен был быть не простым перечнем предметов, а вообще, справочной книгой о Ф.М.Достоевском. Я не надеялась на свои силы и обратилась к Ефремову, к Шубинскому и друг. Они сделали кое-какие исправления в намеченной программе и в настоящее время каталог этот уже составлен и скоро выйдет в свет.

Я, конечно, не могла передать в музей всех предметов из моего собрания. С некоторыми я положительно не могу расстаться, и они поступят туда лишь после моей смерти. Такова, например, книжка, которую Федор Михайлович сохранял под изголовьем своей койки во время пребывания на каторге и куда он заносил свои впечатления, послужившие затем материалами для «Записок из Мертвого дома». У меня же хранится 15 тетрадей материалов, частью опубликованных, частью не попавших еще в печать.

- Нет ли среди неизданных произведений Федора Михайловича цельных отрывков из отдельных произведений?

- Есть одна глава к роману «Бесы», но я не считаю возможным опубликовывать ее. Федор Михайлович был ею недоволен и собирался переделывать ее, но не успел.

Анна Григорьевна ознакомила меня с выпускаемым каталогом московского музея. Он заключает в себе 21 этюд и в числе реликвий есть некоторые весьма интересные. В музее находится большая коллекция его автографов; есть много книг с собственноручными заметками.

Федора Михайловича часто приглашали читать на вечерах и обыкновенно он перед чтением делал небольшое предисловие; заметки для этих предисловий и сохранились на полях его книг в музее.

В отделе официальных документов, относящихся к различным обстоятельствам жизни Достоевского, есть «Высочайший указ по делу Буташевича-Петрашевского», подлинный текст показания Достоевского на суде, там же хранятся копии с бумаг, находящихся в архиве III отделения и содержащих различные секретные приказы об арестованном Достоевском.

Любопытная подробность: бумаги эти до сих пор считаются опасными и, по распоряжению администрации, они хранятся в музее в железном ящике и недоступны для осмотра.

Очень полно представлены отделы IV, V и VI, где собраны все издания, как полных собраний сочинений Достоевского, так и отдельные произведения и все сочинения, журналы и газеты, о которых помещены статьи и отзывы о писателе.

В отделе переводов сочинений Достоевского на иностранные языки находятся сочинения его в переводе на 19 европейских языков.

В музее же помещены 193 портрета Достоевского, много портретов его родственников, друзей и лиц, имевших значение в его жизни, там же гипсовая маска, снятая с него в день смерти.

Одним их наиболее интересных отделов коллекции являются снимки любимых им произведений искусства.

Относительно 2-х картин, помещенных в этом отделе, Анна Григорьевна сообщила весьма интересное воспоминание:

- Когда мы жили в Дрездене, я почти ежедневно с утра уходила в картинную галерею. В 2 часа ко мне приходил Федор Михайлович, и я всегда знала, где я его застану. Он постоянно стоял возле картины Тициана «Linsgroschen» или возле «Христа» - Караччи. Сильное впечатление произвела на него также картина Ганса Гольбейна «Мертвый Христос», находящаяся в Базеле. На этой картине Христос изображен снятым с креста, уже начинающим разлагаться трупом, и впечатление этой картины на Федора Михайловича было так велико, что он несколько раз приезжал в Базель смотреть ее

Очень интересны иллюстрации к сочинениям Ф.М.Достоевского: Достоевский, как сообщает Анна Григорьевна, всегда наглядно представлял себе своих героев и часто, например, идучи с женою по улице, он указывал ей на какого-нибудь прохожего: «Смотри, вот мой Раскольников идет».

Из вещей, принадлежавших Достоевскому, в музее находится его чернильница, вещи с его письменного стола и некоторые вещи, принадлежавшие матери писателя, которыми он очень дорожил. Евангелие, которое Федор Михайлович читал будучи на каторге, находится у сына писателя, Ф.Ф.Достоевского.

В коллекции находятся также курьезные «подделки произведений Достоевского».

- Однажды, в 76 году, рассказывает Анна Григорьевна, я получила по почте брошюру, своим внешним видом совершенно напоминавшую «Дневник писателя», издававшийся тогда Федором Михайловичем.

Я удивилась возврату подписчиком книжки и хотела посмотреть, в чем дело: оказалось, что это... подделка, издававшаяся кем-то в Одессе и находившая большой сбыт, благодаря полному внешнему сходству.

Аналогичный случай повторился впоследствии в Рязани.

Я удивился, почему Анна Григорьевна, сохранившая столько интересных воспоминаний о своем великом муже, не издает их.

- Яне литератор, - ответила мне эта милая и уж чересчур скромная женщина. = Да и к тому же я боюсь, что это припишут моему тщеславию. Я и писем Федора Михайловича ко мне не считаю возможным опубликовать до моей смерти. А личного тщеславия у меня нет. На мою долю выпало столько любви и почитания со стороны людей ко мне, как вдове Достоевского, что **желание для себя** лично мне совершенно чуждо.

Анна Григорьевна до сих пор сама читает корректуры новых изданий своего мужа и при этом делает на полях корректурных листов заметки и примечания относительно тех мест в произведениях Достоевского, которые, по ее воспоминаниям, являются автобиографическими.

Заметки эти чрезвычайно интересны и дадут впоследствии богатый материал для историко-литературного исследования о романисте. Так, например, с безусловностью ими утверждается ранее отмеченный биографами Достоевского факт, что строки из «Идиота», передающие впечатление князя о казни, представляют собою точное воспроизведение рассказа Достоевского о казни Петрашевского.

- Федор Михайлович не любил об этом рассказывать, - сказала мне Анна Григорьевна, и за все время мне пришлось лишь 2-3 раза слышать от него рассказ о пережитых им впечатлениях, но помню, что рассказывал он об этом почти словами Мышкина.

Таких автобиографических черт в произведениях Достоевского, по воспоминаниям Анны Григорьевны, очень много, и все они весьма интересны и характерны для определения личности писателя.

Так, например, уплата Мышкиным долгов за своего брата всем кредиторам, даже не доказавшим справедливость своих притязаний, имела вполне аналогичный пример в жизни Федора Михайловича, который после смерти своего брата удовлетворил всех его кредиторов, несмотря на то, что претензии некоторых из них были весьма сомнительны.

Я не могу перечислить даже малой части интересных примечаний и пояснений к произведениям Достоевского, которые находятся в заметках Анны Григорьевны.

Все томы пестрят ими, и нет, конечно, надобности пояснять, какую громадную ценность представляют эти заметки.

Приходится только пожалеть, что излишняя скромность Анны Григорьевны мешает ей опубликовать свои воспоминания о великом романисте-пророке.